

ПОСТСЕКУЛЯРИЗМ И СИТУАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА

С.С. Хоружий

В этом небольшом тексте я бы хотел высветить некоторые существенные стороны постсекуляризма – относительно нового, но уже весьма известного и влиятельного направления политической и философской мысли. В начале, однако, скажем несколько слов о его генезисе. Термин «постсекуляризм» несет непосредственно очевидный смысл: это идея (или идейная формация, или парадигма), утверждающая себя как нечто, идущее следом, на смену секуляризму, или же секуляризации. Тем самым, постсекуляризм говорит, что идеология и политика секуляризации, то есть всемерного освобождения жизни общества от всякого присутствия и влияния религии, остались в прошлом, и теперь религия (религиозное сознание, религиозная рецепция действительности) должна не вытесняться, но вновь получить определенное место во всех, вообще говоря, сферах социальной реальности. Это место, однако, должно соответствовать не доминирующей позиции, а некоторому гармоническому партнерству и диалогу между религиозным и секулярным сознанием. Поиск принципов этого партнерства и продвижение к его практическому выстраиванию и составляет рабочую проблематику постсекуляризма на его сегодняшнем этапе.

Что же касается генезиса, то понимание неизбежности и необходимости отказа от прежней западной идеологии радикальной секуляризации неуклонно нарастает и оформляется на исходе 20 в. Сам термин впервые возникает в работах немецкого культурфилософа Карла Эдера, но не претворяется там в концепцию. Наряду с этим, известный американский социолог Питер Бергер развивает идею «десекуляризации», выпустив, в частности, коллективный сборник «Десекуляризация мира. Возрождающаяся религия и мировая политика» (1999). Но датой явного публичного возвещения постсекуляристской идеи считают октябрь 2001 г., когда Юрген Хабермас, прежде – один из главных современных теоретиков и проводников идеологии секуляризации, выступил с речью «Вера и знание» при вручении ему ежегодной Премии Мира немецких книгоиздателей. В освещении Хабермаса, постсекуляризм был тем выводом, который с необходимостью приходилось сделать из событий 11 сентября 2001 г. Почти сразу же за выступлением Хабермаса в мире развернулась широкая дискуссия, в ходе которой постсекуляризм начал быстро превращаться в научную концепцию – концепцию новой стратегии политического и культурного развития. На этом этапе, существенный вклад в развитие темы внес Папа Бенедикт XVI (Йозеф Ратцингер) – как общеизвестно, крупный богослов, писавший немало и раньше об отношениях веры и знания, религии и светской науки. 19 января 2004 г. в Мюнхене состоялась личная встреча и беседа Папы и Хабермаса. То было довольно символическое событие: встреча двух ведущих представителей религиозного и секулярного сознания, как бы встреча двух сторон, двух полюсов постсекулярной парадигмы. Далее оба партнера продолжили разработку концепции. В 2005 г. папа выпускает энциклику *Fides et Ratio* (Вера и разум); в сентябре 2006 г. им произносится известная Регенсбургская речь «Вера, разум и университет», затронувшая ислам и вызвавшая длительные и бурные отклики (в которых и мне довелось участвовать). Хабермас же в 2006 г. публикует статью принципиального значения «Религия в общественной сфере», а в 2008 г. следует его ответ на Регенсбургскую речь. Этот диалог Папы и крупнейшего светского философа – наглядная демонстрация постсекуляризма в действии, а в содержании их высказываний раскрываются и сами принципы постсекулярного диалога. Как представитель секуляризованного сознания, Хабермас формулирует главные условия, предъявляемые к сознанию религиозному: «Все, что тут требуется, – это эпистемологическая способность рефлексивно рассматривать собственную веру также и с внешней позиции, и соотносить ее с секулярными

воззрениями»¹. В свою очередь, Папа указывает, какие свойства и действия секулярного сознания религиозное сознание считает необходимыми для успешности диалога. В основе у него лежат концепции «разума веры» и «послушания истине». Секулярное сознание должно признать «разум веры» как полноценную и полноправную формацию человеческого разума; и для этого ему следует быть самокритичным, отвергнуть позитивистскую трактовку разума как недопустимо узкую и создать некоторую «пост-позитивистскую парадигму разума и познания». Вкупе эти разработки Хабермаса и Ратцингера закладывают фундамент постсекулярной парадигмы. Сегодня эта парадигма продолжает активно исследоваться во многих аспектах – политических и религиозных, социологических, философских, культурных. Все с большей определенностью, постсекуляризм выступает, действительно, как очередная крупная формация и фаза развития общественного сознания, которая сменяет собой фазу секуляризации, что длилась несколько столетий, начиная с эпох Ренессанса и Просвещения.

Далее я опишу кратко два круга проблем, которые рассматриваются мной в работах на постсекулярную тему. Прежде всего, я постарался раскрыть антропологический аспект постсекулярной парадигмы, прежде практически не замечавшийся. Убедиться в существовании такого аспекта возможно многими путями, из которых я сейчас выберу наиболее простой. Постсекулярная парадигма означает отказ от радикальной секуляризации. Но секуляризация, как нетрудно видеть, несла в себе значительное антропологическое содержание, и в ней антропологическое измерение весьма наглядно. В самом деле, секуляризация в своем развитии породила существенные изменения человека – изменения его модусов субъектности, личностных структур и более того, изменения самой конституции человека. Ибо до секуляризации человек был не кто иной как человек религиозного сознания, *Homo Religiosus*, который формировал свою конституцию, конституировался, актуализуя отношение Человек – Бог, онтологическое отношение к иному бытийному горизонту. В ходе секуляризации, человек отодвигает, маргинализует и вытесняет это отношение, оно перестает быть доминирующим в его личностном строении, конститутивным – и это значит, что доминирующей становится некоторая иная парадигма конституции человека и антропологическая формация.

Для описания этой смены антропологических формаций, в развиваемой мною синергийной антропологии выработан свой концептуальный аппарат. Синергийная антропология показывает, что вслед за формацией Человека Религиозного или, более точно, Онтологического Человека, в эпоху Ренессанса и Просвещения приобретает главенствующую роль сначала формация Безграничного Человека, который конституируется в когнитивно-технологических практиках познания и орудийного освоения мира, полагая мир и свой процесс его познания бесконечными и безграничными. Известное место эта формация (ядро которой составляет Декартов субъект познания) сохраняет и поныне, но доминирующая роль от нее переходит к другим формациям. С конца 19 в. и большую часть 20 в. ведущая роль принадлежит формации, в которой конституцию человека формируют паттерны бессознательного, то есть конституирующим отношением для человека здесь служит отношение к бессознательному. В качестве основной арены своей самореализации этот «Человек Бессознательного», или «Фрейдов Человек» создает область модернистской культуры. Вслед за тем в заключительные декады 20 в. человек начинает усиленно развивать всевозможные виртуальные антропологические практики, в первую очередь, практики выхода в компьютерную антропологическую реальность и существования в киберпространствах. Эти практики также формируют конституцию человека и соответственно, в них возникает и продвигается к доминирующей роли новая антропоформация – Виртуальный Человек. В известном смысле, она является последней и предельной в антропологическом процессе, поскольку в рамках нее рождаются и обретают растущее влияние уже так называемые

¹ J.Habermas. Religion in the public sphere // European Journal of Philosophy. 2006. 14(1). P.9-10.

постчеловеческие тренды – то есть, антропологические практики, ставящие целью создание некоторых разумных формаций, отличных от человека и призванных стать ему заменой, занять его место.

Таким образом, процесс смены антропоформаций ведет к добровольному уходу человека со сцены, к исчезанию человека. Но вспомним теперь, что весь этот процесс инициирован, запущен именно секуляризацией, так что его современные плоды должны по праву рассматриваться как ее продукт. *В этом процессе и этих плодах и заключается антропологическое измерение секуляризации.* Его можно кратко резюмировать с помощью знаменитой формулы Хайдеггера «забвение бытия». Действительно, вытеснение секуляризацией формации Онтологического Человека и есть не что иное как антропологический аспект забвения бытия; и, продолжая Хайдеггера, мы можем сказать так:

забвение бытия ведет к небытию человека.

Возвращаясь же от секуляризации к постсекуляризму, мы ясно видим теперь, что постсекуляризм, как отказ от секуляризации (по крайней мере, в ее старых радикальных формах), также имеет антропологическое содержание и измерение. Постсекулярная парадигма есть выстраивание новых, диалогических и партнерских, отношений между секулярным сознанием и религиозным сознанием; и тем самым, она предполагает новое обращение к сфере религиозного опыта и религиозных практик человека, в том числе, безусловно, и к стержневому для религии опыту духовных практик, в которых конституируется формация Онтологического Человека. Реабилитируя эти практики, человек преодолевает забвение бытия, ибо стремится к своей самореализации не в сущем, а в бытии, пользуясь хайдеггеровским языком. Но надо учитывать, что теперь религиозное сознание и секулярное сознание образуют некоторую новую, прежде не бывшую конфигурацию. И потому обычная формула «возврат религии», как правило, употребляемая в связи с постсекуляризмом, весьма не точна. Постсекулярная парадигма не может означать простого возвращения, реставрации религиозного сознания и институализированной религии в их старых формах и в прежней доминирующей роли. Теперь религиозное сознание и Онтологический Человек должны найти в себе новые ресурсы, ибо в сегодняшнем мире религиозный опыт, не теряя своего аутентичного существа, должен нести еще новую миссию: в диалоге с внерелигиозным, секуляризованным сознанием он должен показывать, каким образом современная ситуация человека может быть не ареной его отказа от себя и добровольного исчезания, но полем его творческой реализации себя во всей полноте своих измерений. Это глубоко творческая миссия, для которой религиозному сознанию требуются не столько его старые формы, сколько его, говоря евангельским языком, *осоляющая сила*: то есть энергия творческого осиливания и оформления действительности сегодняшнего, современного мира.

Из сказанного явствует и то, что при обращении к антропологическому измерению нам раскрываются новые важные стороны постсекулярной парадигмы, ее ценные возможности. Современная антропологическая ситуация несет в себе значительные и нарастающие риски для человека. Мы упомянули постчеловеческие тренды, что представляют собой угрозу для самого существования человека как такового, как рода и вида. Однако недаром современное общество называют «обществом риска» (У.Бек и др.) – есть и еще многие риски, заложенные в природе Виртуального Человека, который сегодня быстро продвигается к доминантности. Это его продвижение означает растущую виртуализацию всех сфер существования человека и постепенное преобладание виртуальной реальности над актуальной. Такой процесс несет в себе многие опасности, которые сегодня уже замечены и активно обсуждаются. Глубокие и продолжительные уходы в виртуальную антропологическую реальность влекут за собой утрату полноты контроля над актуальной ситуацией человека, как внутренней, так и внешней, лежащей в

мире техногенной цивилизации, и это увеличивает риски техногенных катастроф, что уже и наблюдается вокруг нас. Виртуальный Человек – плохой, ненадежный хозяин техногенной цивилизации. В сфере человеческого общения, виртуализация несет его обеднение, редукцию и деградацию, уход и утрату глубинных, экзистенциально наполненных и смыслонасыщенных форм общения, что также уже наблюдается и вызывает беспокойство.

Итак, в целом, антропологическая ситуация в своих ведущих трендах, виртуальных и постчеловеческих, несет черты кризиса, который собрал в себе обширный набор рисков, опасностей и угроз для человека. Но ведь эти тренды, как мы выяснили, являются продуктом секуляризации и ее выражением. Следовательно, постсекуляризм, как отказ от радикальной секуляризации и как реабилитация Онтологического Человека, может служить в качестве средства для сдерживания и преодоления этих трендов. Мы получаем, таким образом, принципиальный вывод: *постсекулярная парадигма несет в себе предпосылки для того, чтобы стать средством борьбы с антропологическим кризисом* и стратегией коррекции, оздоровления антропологической ситуации. Лапидарно выражаясь, она может стать стратегией защиты и сохранения человека, выведения его в новое пространство жизни; а в хайдеггеровском дискурсе, стратегией преодоления забвения бытия. И эти ее потенции заслуживают пристального внимания.

Я бы хотел также указать, что в синергичной антропологии уже имеется методологический и концептуальный аппарат, необходимый для реализации отмеченных потенций. При этом, важно заметить, что этот аппарат не является чисто антропологическим. Антропологический риск, а равно и антропологический тренд – феномены не только антропологические, но и социальные, принадлежащие области сопряжения, перекрытия антропологического и социального уровней реальности. Эта область, или интерфейс антропологического и социального, сегодня представляет собой ключевой топос глобальной реальности: именно здесь протекают сейчас процессы и совершаются изменения, определяющие судьбу человека и общества. И в синергичной антропологии существует сеть понятий для дескрипции этого топоса, где центральными понятиями служат антропологическая ситуация и антропологический тренд. Напомним, что «ситуация» – один из концептов социальной философии Хабермаса; мы формируем наш концепт «антропологической ситуации» с его учетом. По Хабермасу, «*ситуация* представляет собой некий фрагмент, выделенный в жизненном мире применительно к той или иной теме»². Соответственно, для нас «антропологическая ситуация» есть фрагмент антропологической реальности, отвечающий ее определенному хронологическому срезу, моменту исторического времени, и рассматриваемый в контексте и перспективе социальной реальности; это – наличное состояние или положение Человека, взятое в социальном контексте. «Антропологический тренд» – это такая антропологическая практика или группа практик, которые наращивают свою массовость, известность, влияние и становятся значимыми факторами в социальной реальности. Антропологическая ситуация в ее развитии определяется совокупностью входящих в нее антропологических трендов, так что эти тренды и делаются главными предметами исследования. Синергичная антропология систематизирует, классифицирует эти тренды и проводит их антроподиагностику, то есть распознает, идентифицирует те антропоформации, того человека, который осуществляет данные тренды. Затем на этой основе ставятся проблемы путей и средств воздействия на антропотренды, проблемы управления ими. В совокупности эти методы и результаты доставляют исходную базу для изучения горизонтов и возможностей, открывающихся в рамках постсекулярной парадигмы. Таким образом, синергичная антропология выступает как естественное научное русло для изучения антропологических аспектов постсекуляризма; если угодно,

² Ю.Хабермас. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. С.201. (Курсив автора.)

можно сказать, что складывается некий естественный альянс между постсекулярной мыслью и нашим научным направлением.

Как я упомянул в начале, существует и еще один круг наших разработок в постсекулярной тематике; сейчас я лишь бегло обозначу его. Его проблематика заключается в раскрытии принципиальной плюралистичности постсекулярной парадигмы, то есть того обстоятельства, что эта парадигма должна неизбежно реализовываться в ряде различных версий. В самом деле, в ней идет речь о выстраивании диалогического партнерства религиозного и секулярного сознания – но вполне очевидно, что в каждой религии и конфессии религиозное сознание будет выстраивать такое партнерство по-своему. Бесспорно и очевидно то, что католичество, православие, ислам и т.д. по-разному будут строить свой диалог с секулярным сознанием и секулярной культурой. В своей исходной форме, как мы видели, постсекулярная парадигма возникала, с религиозной стороны, преимущественно на почве католического сознания – и соответственно, эта форма, основы которой очертили Хабермас и Ратцингер, должна рассматриваться как католическая версия, или же извод постсекуляризма. Прямым отражением этого является тот факт, что в центре данной версии оказывается эпистемологическая проблематика, проблематика веры и разума, которая традиционно находилась в фокусе внимания католической мысли. Однако в православной мысли приоритеты расставлены иначе, и для нее в центре – иные темы. Для православного сознания, главнейший элемент религии и религиозной жизни – живой, аутентичный духовный опыт – и более конкретно, аскетический, сакраментальный и эсхатологический опыт общения со Христом; а базовой и конститутивной характеристикой личности человека служит его пережитый опыт. Отсюда следует, что будь то на старой стадии секуляризации или на новой стадии постсекуляризма, но секулярное сознание и секулярный человек выступают для православного сознания, в первую очередь, не как субъекты рефлектирующего разума и познания, но как носители определенного пережитого опыта. И поэтому, если православное сознание решает завязать диалог с секулярным сознанием, оно будет стараться развертывать этот диалог не столько на почве эпистемологических проблем, сколько на почве пережитого опыта обоих диалогических партнеров – иными словами, на почве жизненных содержаний, на почве экзистенциально-личного опыта. Таковы определяющие особенности православного извода постсекулярной парадигмы; но сам этот извод сегодня еще только предстоит продумывать и выстраивать.

Итак, в данном тематическом круге также открывается обширная рабочая проблематика, которой никак не отказать в актуальности: речь идет о реакции существующих в нашем мире религиозных формаций на выдвигаемую перспективу постсекулярного диалога. В целом же, постсекуляризм сегодня являет собою богатое поле новых и актуальных проблем. Это – очередная попытка современного разума найти ключ, выделить некую ведущую нить для понимания сегодняшней ситуации человека и общества; и, пожалуй, она пока не утратила шанс успеха.

2011 г.